

УДК 947(470.22) + 929.52.09
 ББК [63.3(2)43+44] + 63.214
 DOI 10.25797/NG.2020.8.4.004

В. И. Таланин

КАКОЙ ИЗ БОЯРСКИХ КЛАНОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА БЫЛ ОПОРОЙ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА И ЕГО ОТЦА?

Аннотация: В статье детально проанализирован вопрос о том, кто являлся местной опорой для князей Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича в Великом Новгороде: показано, что этой опорой были бояре Неревского конца.

Ключевые слова: Александр Невский, Великий Новгород, Неревский конец, бояре.

В историографии можно найти немало разносторонних оценок взаимоотношений Александра Ярославича, князя Новгородского [1228–1229, 1236–1240, 1241–1252, 1257–1259], Переяславль-Залесского [1246–1263], В. К. Киевского [1249–1263], В. К. Владимирского [1252–1263]¹, с Великим Новгородом. Одним из общих мест является мнение о том, что князь нарушил новгородскую вольность, заставив новгородцев выплачивать ордынскую дань. Другим общим местом является мнение о том, что в целом новгородцы не слишком любили князя именно за стремление к ограничению их вольностей. И тем не менее, даже если соглашаться с указанными «общими местами», следует

понимать, что князь Александр никогда не смог бы достичь своих результатов на «новгородском направлении», если бы не имел совершенно никакой опоры в среде местного боярства. Более того, следует думать, что эта опора не могла быть сиюминутной, т. е. князь не должен был «лавировать» между внутриновгородскими политическими группировками, то заручаясь поддержкой одного из боярских кланов, то – иного. Говорить о последнем можно и по той причине, что никакие летописные источники не намекают на то, что князь участвовал в подобных «политических играх». До занятия им великокняжеского престола он, если у него возникали разногласия, уходил из Новгорода, а когда его звали обратно – приходил. После 1252 года он общался с Новгородом как абсолютный монарх своего времени. И тот факт, что, несмотря на имевшие место возмущения, Новгород слушался Александра, свидетельствует о том, что у князя была стойкая, весьма существенная, и – самое важное – стабильно постоянная опора в лице определенного боярского клана. Задачей настоящей статьи является выявление этого клана и отражение всех аспектов его взаимодействия с Александром Ярославичем.

В историографии вопрос взаимодей-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках при имени указываются даты правления, нахождения в должности и т. д.,

ствия князя Александра с новгородскими боярскими группировками не поднимался именно в таком аспекте. Поэтому можно говорить о том, что впервые эта тема была мною бегло рассмотрена в предыдущих работах².

Строго говоря, ответ на вынесенный в заголовок вопрос можно обнаружить в летописях. Летопись сообщает, что 4 мая 1243 г. скончался боярин Вячеслав Прокшинич, в похоронах которого на следующий день принимали участие игумен Хутынского монастыря, Спиридон, архиеп. Новгородский [1229–1249] и сам князь Александр³. Это является беспрецедентным событием: в источниках нет информации о том, чтобы князь Александр или какой-либо иной новгородский князь когда-либо еще принимали участие в похоронах новгородского боярина. Притом, что характерно, скончавшийся боярин никогда не занимал должности посадника: его максимальным должностным постом был пост новгородского тысяцкого [1228–1229], который он занимал менее года. Не менее характерно и то, что князю Александру, родившемуся 13 мая 1221 г.⁴, было лишь 7 с лишним лет, когда боярин Вячеслав занимал должность тысяцкого. Следовательно, этот

боярин должен был сделать что-то чрезвычайно важное для князя-ребенка, что должно было получить одобрение и со стороны его отца, Ярослава Всеволодовича, князя Переяславль-Киевского [1200–1206], Переяславль-Залесского [1212–1238], Новгородского [1215, 1221–1223, 1226–1229, 1231–1236], В. К. Киевского [1236–1238, 1243–1246], В. К. Владимирского [1238–1246]. Последнее явствует из того, что 7-8-летний ребенок, каким был Александр во время тысяцкого Вячеслава, мог оценить происходившие тогда события не вполне верно. Безусловно, взрослому князю напоминать о тех событиях и помогать правильно их интерпретировать должны были советники, которые не могли не направляться Ярославом Всеволодовичем. Т. е. имеет смысл говорить о том, что боярин Вячеслав Прокшинич имел неоспоримые заслуги не только перед князем Александром, но и перед Суздальскими Рюриковичами в целом: иначе говоря, князь Ярослав тоже был чем-то обязан боярину Вячеславу.

Окончательно убедиться в том, что князь Александр и суздальцы отлично понимали, что делали, воздавая посмертную честь боярину Вячеславу, позволяет следующий факт. Летопись указывает, что в том же году, 16 августа 1243 г., скончался новгородский посадник Степан Твердиславич [1230–1243]⁵. Однако летопись молчит об участии в его похоронах не только князя, но и архиепископа. Поскольку обе смерти указаны в одной летописной статье, надо думать, что летописец не зря подчеркнул разницу для князя Александра в этих людях: посадник,

² *Таланин В. И.* 1) Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и ее потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015. С. 52-118; 2) Институт Корельского кормления в Новгородскую эпоху // *Novogardia*. № 2. 2019. С. 96-100.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Далее – НПЛ). М.-Л., 1950. С. 79, 297.

⁴ *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // *Вопросы истории*. 1986. № 2. С. 174-176.

⁵ НПЛ. С. 79, 297.

который управлял Новгородом всё время княжения там юного Александра, при котором состоялись известные сражения со шведами и немцами, не интересовал князя, тогда как обычному, казалось бы, боярину, были возданы небывалые почести.

Как хорошо известно, боярин Вячеслав Прокшинич принадлежал к боярскому клану новгородского Неревского конца. Тем самым ответ на вопрос, на какой боярский клан опирался князь Александр, уже известен: на неревлян. Стоит, однако, рассмотреть причины столь тесного симбиоза неревских бояр и суздальцев.

Как было показано мной в ранее цитированных работах, неревское боярство генеалогически сводится к исторически первому новгородскому посаднику Добрыне Нисникичу [ок. 970–997/1001], дяде по матери В. К. Владимира I Святославича [980–1015]. Затем более столетия пост новгородского посадника был фактически наследственным в роду неревских бояр. Согласно замечанию В. Л. Янина, в период ранненовгородской истории одновременное существование посадника и князя было исключено: князья той эпохи считались «посадниками», но посадники не были князьями⁶. Посадники XI в. уверенно полагаются всеми исследователями потомками Добрыни: Константин Добрынич [ок. 1014–1034/1036], Остромир Константинович [ок. 1052–после 1064], Завид Остромирич [1088–1094]. Важно понимать, что особенный статус неревского боярства в XI в. не был закре-

плен в документе, по крайней мере, об этом неизвестно. Но этот статус был обусловлен именно генеалогически. Во-первых, тем, что потомки Добрыни всегда были в ближайшем родстве с правящими Рюриковичами, что, к примеру, дало право посаднику Остромиру публично именовать себя ок. 1056/57 гг. «близоком» тогдашнего Великого Князя⁷. Во-вторых, тем, что генеалогический статус неревлян еще больше повышался посредством брака Остромира с Феофаной, дочерью Владимира I и византийской принцессы Анны (963–1011)⁸.

Впервые в ранненовгородской истории посадниками, происходившими не из среды неревского боярства, были Петрята, Константин, Миронег, Савва и Улеб; правление всех пятерых уложилось в узком интервале 1094–1096 гг.; мною было показано, что четверо из них (исключая Константина) могут уверенно причисляться к боярству Людина конца⁹. Связано проникновение к верховной власти иного боярского клана было со сменой княжеской власти. Соправительство Завида Остромирича [1088–1094] и Мстислава Владимировича, князя Новгородского [1088–1094, 1096–1117], Ростовского [1094–1096], Белгород-Киевского [1117–1125], В. К. Киевского [1125–1132],

⁷ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 86-87.

⁸ Поппэ А.1) Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). 1997. С. 102-104; 2) Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сб. ст. в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 360-361; Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 87-88.

⁹ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 105-106.

⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 68.

стало первым в новгородской истории сосуществованием посадника и князя. Вероятно, соправление понадобилось отцу новгородского князя, Владимиру Всеволодовичу, князю Ростовскому [1066–1073], Смоленскому [1073–1078], Черниговскому [1078–1094], Переяславль-Киевскому [1094–1113], В. К. Киевскому [1113–1125], по причине его несовершеннолетия (род. в феврале 1076 г.)¹⁰. Владимир Всеволодович, очевидно, сделал ставку на самый известный и крупный новгородский боярский клан, находившийся в прямом родстве с Рюриковичами. Однако в 1094 г. черниговские Святославичи военным походом вернули себе Чернигов, изгнав оттуда Всеволода. Одновременно, по их требованию в Новгороде стал князем [1094–1096] Давыд Святославич, также князь Переяславль-Киевский [1073–1076], Муромский [1076–1093], Смоленский [1093–1097], Черниговский [1097–1123]. Вне всякого сомнения, князь Давыд отстранил от власти посадника Завида и оперся на иной боярский клан. Во время отсутствия в Новгороде Давыда там, очевидно, происходит переворот, поскольку новгородцы возвращают себе обратно Мстислава Владимировича. Точной датировки этого события нет, в историографии оспаривается широкий временной период с конца 1095 по начало 1096 гг.

Имен тех бояр, которые способствовали изгнанию из Новгорода черниговцев, не сохранилось. Однако, очевидно, они

были неревлянами, ибо с 1096 г. их непрерывное посадничество – в соправлении с князем – восстанавливается: Гюрята Рогович (Юрий Рагуйлович) [1096 – после 1100], Микула Остромирич [после 1100 – до 1116], Добрыня Рагуйлович [до 1116 – 1117], Дмитрий Завидич [1117–1118], Константин Моисеевич [1118 – 1119]. Вместе с тем, по всей видимости, Владимир Всеволодович с сыном Мстиславом сами решили создать – в качестве противовеса – внутриновгородскую оппозицию для неревлян¹¹. Строго ситуативно их, вероятно, можно понять. Они опасались того, что их новгородские родственники будут настолько сильны, что смогут вмешиваться в события иных княжеств. Причин, заставлявших их так полагать, было две. Во-первых, неревляне активно участвовали в княжеской усобице 1060-х гг., поддерживая вначале полоцких князей, затем – именно черниговских¹². Во-вторых, позиции родового ответвления неревлян были весьма сильны на юге, в Перемышльском, затем – Галицком княжествах. Это ответвление было основано боярином Вышеславом (Вышатай, Вячеславом) Остромиричем (1020-е гг. – после 1080-х гг.), «дядькой» Рюрика Ростиславича, князя Волынского [1061/64–1067, 1068–1069], Перемышльского [1084–1092]. Его сын – Иванко Вячеславич (1060/80-е гг. – после 1128) был перемышльским боярином. Есть все основания полагать, что боярин Вышеслав заручился помощью от черниговских Святославичей в 1081/83 гг., прибыл на

¹⁰ Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60-70-х годов XI века // Советское Славяноведение. 1971. № 2. С. 25-26.

¹¹ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 91.

¹² Там же. С. 85.

Волынь вместе со своим воспитанником Рюриком Ростиславичем в 1083/84 гг. и стоял у истоков возникновения Перемышльского и Звенигородского княжеств в 1084 г.¹³ Боярин Иванко был одним из ближних бояр перемышльских князей Володаря Рюриковича [1092–1124], Ростислава Володаревича [1124–1128], Владимира Володаревича [1128–1141], возглавляя серьезное воинское соединение, своего рода военный спецназ того времени; это соединение участвовало в походе 1127/1128 гг. на г. Изяславль Полоцкого княжества, показав себя весьма действенной силой¹⁴.

К концу 1110-х гг., таким образом, Всеволод Киевский и Мстислав Новгородский видели, что неревляне вместе с их родовой ветвью на Русском Юге были силой, с которой следовало считаться. Дополнительная ставка, которую сделали отец и сын на оппозиционное новгородское боярство, выразилась в том, что в походе князя Мстислава на чудь в 1116 г., помимо самого князя участвовал ладожский посадник Павел – боярин Людина конца¹⁵, – а новгородский посадник-неревлянин в походе либо не участвовал, либо почему-то не был упомянут летописью.

В марте 1117 г. Мстислав был вызван отцом на юг, а в Новгороде был оставлен

князем его сын, Всеволод Мстиславич [1117–1125, 1127–1136]. В следующем году летопись лаконично сообщает, что Мономах с сыном вытребовали в Киев «всех бояр новгородских» и «привели их к честному кресту», некоторых удержали у себя, а из них «разгневались» за ограбление неких Даньслава и Ноздречи на группу, возглавляемую сотским Ставром, и заточили эту группу в темницу¹⁶. Предполагалось, что былинный «Ставр Гордятич», которого реконструировали в лице сотского Ставра, был представителем великокняжеской администрации в Новгороде¹⁷. Но это не объясняет, почему, разгневавшись на собственного чиновника, Владимир Всеволодович приводит к присяге всех новгородских бояр. Поэтому правильным следует признать мнение В. Л. Янина. Он указал, что в Неревском конце была улица Даньславля и на ней в 1195 г. была поставлена церковь Св. Дмитрия «Ноздрьцина», из чего выводил, что сотский Ставр напал на неревских бояр, за что и понес наказание от центральных властей¹⁸. В 2005 г. раскопки Людина конца обнаружили грамоту № 954 (1-я четв. XII в.), анализ которой показал, что Неревский и Славенский концы обвинили Людин конец, а конкретно одного его представителя в том, что он «портил» скот, принадлежавший жителям Софийской стороны (то ли колдовством, то ли скотоложеством). В. Л. Янин провел параллель с тем, что НПЛ сообщала под 1115 г. о массовом падеже лошадей у кня-

¹³ *Таланин В. И.* Русская и русско-венгерская знать в X–XV вв.: историко-генеалогическое исследование. Запорожье, 2016. С. 73–75.

¹⁴ Там же. С. 55–61; *Таланин В. И.* К истокам русского военного спецназа // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-исторический журнал. № 3 (8). 2016. С. 126.

¹⁵ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975. С. 104–105.

¹⁶ НПЛ. С. 205.

¹⁷ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 125–130.

¹⁸ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 102.

жеской дружины Мстислава, и обратил внимание на то, что в грамоте речь идет от лица женщины по прозвищу «Ноздрька». Связав это прозвище с данными летописной статьи 1118 г., он заключил, что грамота № 954 показывает подоплеку событий 1118 г.¹⁹ По всей видимости, он был прав²⁰. Итак, ок. 1115 г. людинские бояре травят лошадей княжеской дружины, а согласно грамоте № 954, еще и свиней местных жителей (возможно, чтобы создать видимость мора, а не целенаправленного отравительства). Учтывая, что бояре-людинцы были в оппозиции к неревлянам, думается, что людинцы каким-то образом собирались обвинить в этом море именно неревлян. Однако виновники мора найдены и разоблачаются какими-то неревлянами, согласно грамоте. За это людинцы нападают на неких двух представителей Неревского конца; причем имя «Ноздрька» можно, как кажется, вычеркнуть из числа бояр по причине его женской (грамота № 954) принадлежности. Разобравшись в ситуации, Владимир Всеволодович наказывает людинцев и заставляет присягать всех представителей новгородской оппозиции. Таким образом, устанавливается причастность сотского Ставра к Людиному концу²¹, а также тот факт, что

людинские бояре начали раскачивать внутриновгородскую обстановку до ухода на юг князя Мстислава.

Предположительно, после событий 1115–1118 гг. ситуация вовсе не успокоилась, ибо после смерти Константина Моисеевича в 1119 г. имя нового посадника неизвестно. А уже в 1120 г. Владимир Всеволодович присылает в Новгород киевского боярина Бориса, который становится новгородским посадником [1120–1125]²². Вероятно, внутриновгородская обстановка вследствие событий 1115–1118 гг. была накалена настолько, что Борис должен был разбираться в обстановке и вершить суд на месте, а не из Киева. Доказательством последнему является следующий факт. По смерти Владимира Всеволодовича (19 мая 1125) Всеволод Новгородский спешно отбыл в Киев, оставив церемониальным наместником сына-младенца Иоанна [1125–1127]. Но в отсутствие князя происходит переворот: посадник-киевлянин Борис пропадает, а младенца Иоанна провозглашают князем вместо Всеволода²³. Источники не называют виновников событий 1125 года, но можно уверенно полагать, что это были бояре-людинцы. Последнее усматривается из того, что в 1126 г. происходит следующий переворот, который после 7-летнего перерыва возвращает к власти неревлян в лице посадника Мирослава Гюрятинича [1126–1128, 1135–1136], и уже в феврале 1127 г. возвращается и вновь провозглашается князем Всеволод Мстиславич, который и утверждает Ми-

¹⁹ Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. № 3. 2006. С. 3-7.

²⁰ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 106-109.

²¹ В. Л. Янин называл Ставра одним из предков Мирошки Нездинича. См.: Янин В. Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Вестн. Новгородского государственного университета. № 38. 2006. С. 6.

²² Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 94, 98, 117.

²³ Там же. С. 98.

рослава в правах посадника.

Как можно полагать, ситуация продолжала непрерывно обостряться, ибо в 1129 г. Мстислав Киевский назначает новгородским посадником киевлянина Данилу [1129 – 1130/31], а Всеволод в 1130 г. уезжает в Киев. Возвратившись в 1131 г., Всеволод ставит посадником неревлянина Петра Микулинича [1131–1134]²⁴. Таким образом, можно думать, что события 1129–1131 гг. были очередным судом, творимым В. К. Мстиславом; после того как он понял, что неревляне ни в чем не повинны, он возвращает им власть.

Однако уже в 1132 г. псковичи и ладожане вторгаются в Новгород и свергают Всеволода, но посаднику Петру удается восстановить князя²⁵. Эти события показывают, что за ними стояли людинцы, ибо Павел был ладожским посадником ранее²⁶. После подавления бунта в Псков посадником назначается Мирослав Гюрятинич [1132–1134 (?)], а в Ладогу – неревлянин Рагуил Добрынич [1132–1134(?)]²⁷.

В 1134 г. в отсутствие Всеволода, который, вступив в раздор с собственным дядей, Юрием Владимировичем, князем Ростовским и Суздальским [1096 / 1113–1149, 1151–1155], В. К. Киевским [1149–1150, 1150–1151, 1155–1157], отбыл на войну с суздальцами, сын Павла «Ладожского» Иванко Павлович совершил переворот, став новгородским посадником [1134–1135]. Всеволод вернулся с полдороги на Суздаль, не завершив похода, вос-

становив у власти неревлян. Посадник Мирослав умер в январе 1136 г., оставив пост сыну – новому посаднику Константину Микулиничу [1136–1137, 1146–1147]. Именно при нем произошел успешный оппозиционный переворот, которому помешать не удалось: с помощью призванных псковичей и ладожан 28 мая 1136 г. князь Всеволод, его дети и теща были арестованы. 15 июля Всеволод был официально изгнан, а уже 19 июля в город вошел заранее приглашенный мятежниками черниговский Рюрикович Святослав Ольгович [1136–1138, 1139–1141]. Однако 4 дня – с 15 по 19 июля 1136 г. официально провозглашенным в Новгороде князем был младенец – Владимир Всеволодович²⁸. Эти события показывают, что бояре-неревляне сопротивлялись перевороту как только могли. В марте 1137 г. посадник Константин с рядом бояр бежали к Всеволоду Мстиславичу и вместе с ним заняли Псков. В эти же дни происходит покушение на князя Святослава Ольговича, в ответ на что оппозиция поднимает мятеж, громя усадьбу бежавшего Константина. Вместе с тем посадником в эти дни становится неревлянин – Якун Мирославич [1137–1141, 1156–1160], который для сохранения власти был вынужден сделать неожиданный ход: поддержать черниговских князей²⁹.

Таким образом, Владимир Всеволодович и Мстислав Владимирович, породив людинскую оппозицию неревлянам и дав ей набрать силу, поступили, как оказалось, весьма недальновидно. Именно

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же. С. 102–103.

²⁶ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 109.

²⁷ Там же. С. 109.

²⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 104.

²⁹ Там же. С. 138.

порожденная ими оппозиция неревлянам и изгнала из Новгорода их же родовую ветку, каковой факт и породил то, что в историографии хорошо известно как «феномен Новгорода», т. е. его постоянное стремление к «вольности»³⁰. По моему мнению, «феномен Новгорода» вытек из «феномена раннего посадничества». Феномен института раннего посадничества, когда *единственный боярский род ближайших родственников Рюриковичей безраздельно управлял Новгородом, но исключительно в рамках, установленных центральной властью*, был очень показательным примером для тех князей, которые в XII в. сражались с центральной же властью. Заронить сепаратистские элементы в новгородскую почву было очень легко: надо было поставить на иную боярскую группировку/группировки, показав им, что свержение неревлян как родственников Рюриковичей приведет к такой же безраздельной власти их самих, а мы, т. е. подстрекатели, дадим вам ряд льгот. Так каждое последующее поколение противников неревлян стремилось к всё большим льготам, надевая на себя те же одежды «родственников Рюриковичей», не имея, однако, на это никаких прав, что в итоге и привело к фактической независимости Новгорода от центральной власти. Важной новизной «посадничества рубежа XI/XII вв.», пришедшего на смену «раннему посадничеству», стало появление на должности посадника представителей иных бояр, не из неревского рода. И здесь важно понимать, что именно из «посадничества рубежа XI/XII

вв.» пошел пресловутый «новгородский сепаратизм» (или «новгородская вольность»), но, во-первых, он родился не снизу, а был насажен сверху в виде своеобразного политического эксперимента, а во-вторых, наследники идеи «раннего посадничества» (т. е. неревляне) были его противниками вплоть до сер. XIII в.

Рассмотрим дальнейшие события внутриновгородской политической истории XII в. В январе 1138 г. новгородцы вышли походом на Псков, но вернулись, а Всеволод скоропостижно умер 11 февраля. В апреле 1138 г. новгородцы изгнали Святослава Ольговича, но отказались пускать детей Всеволода, после чего Якун Мирославич привел князем Ростислава Юрьевича [1138–1139, 1141–1142] (сына Юрия Суздальского), который был против черниговцев. Летом 1139 г. Новгород отказал Юрию Суздальскому в помощи против Чернигова, уже 1 сентября 1139 г. бежал князь Ростислав, а в Новгород вернулся Святослав Ольгович, который в 1140 г. арестовал и отправил в Киев ближайшего родственника Якуна Мирославича – Константина Микулиничу. В феврале 1141 г. боярин-людинец Судила Иванкович, сын Иванки Павловича, приводит в Новгород вновь Ростислава Юрьевича. Якун Мирославич пытается бежать вместе со Святославом Ольговичем, но его с братом Прокопием ловят, избивают и арестовывают. Затем братья-неревляне всё же ушли к Юрию Суздальскому, окончательно развернувшись в своей политике в направлении Северо-Восточной Руси³¹. Ставший посадни-

³⁰ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 90-91.

³¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 138.

ком Судила Иванкович [1141–1144, 1147–1156] в марте 1142 г. изгоняет князя Ростислава и приводит на новгородский стол брата Всеволода Мстиславича – Святополка Мстиславича [1142–1148]. Затем Мстиславичи сидели на новгородском столе до 1155 г., и считается, что их поддерживали все, кроме группы Якуна Мирославича³². В 1156 г. Якун и неревляне свергают Судилу, и Якун вновь становится посадником. Но в 1157 г. он приводит в Новгород князьями черниговцев, которых вдруг открыто поддерживают Мстиславичи; в этом году сторонницей посадника Якуна называется вся Софийская сторона³³. Когда в 1159 г. происходит окончательный раскол между суздальскими Мономахичами и смоленскими Ростиславичами, Якун Мирославич поддерживает последних, что впоследствии делают все неревские посадники.

Южнорусская – галицкая – ветвь новгородских неревлян в эти годы также ориентировалась на Суздаль в лице перемышльского и галицкого боярина Жирослава Иванковича (ум. после 1155), посадника Туровского [до 1145–1146], ушедшего в Суздаль в 1146 г., а также его сына – галицкого боярина Константина Серославича (1120-е гг. – 1170/1173), «дядьки» Владимира Ярославича, будущего князя Галицкого [1187–1188, 1189–1199]³⁴. В эти годы возникло южнорусское Галицкое княжество: Владимир Перемышльский перенес столицу из Перемышля в Галич (1141), объединив

оба княжества; при этом Перемышльское княжество было упразднено, а Владимир стал князем Галицким [1141–1144, 1145–1153], вскоре включив в состав своих владений и южнорусское Звенигородское княжество. Однако, галицкие князья не стали самовластцами в своих владениях. Галицкая ветвь неревлян не имела в Галиче никаких для себя конкурентов: с 1149 по 1199 гг. все потомки Жирослава Иванковича ориентировались строго на Суздаль, и галицкие князья также всё время были суздальскими вассалами³⁵. Кроме того, с 1152 г. потомки Жирослава Иванковича поставили галицких князей под такой же контроль, какого в Великом Новгороде добились противники их старшей родовой ветви, бояре-людинцы. Авторитет галицкой ветви новгородских бояр также держался на факте их ближайшего родства с Рюриковичами и генеалогического старшинства (все Рюриковичи происходили от брака Святослава Игоревича с младшей сестрой будущего новгородского посадника Добрыни)³⁶.

Тот факт, что в силу сиюминутных политических обстоятельств неревляне в 1159 г. перестали ориентироваться на Суздаль, привел их вскоре к крупнейшим политическим поражениям. После неревлянина Якуна Мирославича власть ненадолго переходит к посаднику-людинцу Нежате Твердятичу [1144–1146, 1160–1161]³⁷. Его, однако, вскоре вновь сменяют неревляне в лице посадника

³² Там же. С. 142.

³³ Там же. С. 145.

³⁴ *Таланин В. И.* Русская и русско-венгерская знать. С. 49-51.

³⁵ Там же. С. 37-38, 45 и сл.

³⁶ *Таланин В. И.* Русская и русско-венгерская знать. С. 33, 48-51.

³⁷ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. С. 104-105.

Захарии Завидича [1161–1167]³⁸. Посадник Захария ориентировался на Ростислава Мстиславича, В. К. Киевского [1154–1155, 1159–1161, 1161–1167] и его сына – Святослава Ростиславича, поставленного князем Новгородским [1157–1160, 1161–1167]. На мой взгляд, причина, по которой неревляне стали ориентироваться не на Суздаль, а на Ростислава и его детей, генеалогическая. В 1122 г. Мстислав Киевский вторым браком женился на дочери посадника Дмитрия Завидича, успев прижить с нею двоих детей. Несмотря на то, что Ростислав Мстиславич был сыном Мстислава от первого брака, Якун Мирославич, а за ним и Захария Завидич видели в нем более близкого лично для себя родственника, нежели в суздальском князе³⁹. Любопытен тот факт, что Ростислав, как общерусский Великий Князь, а вместе с ним и его сын – новгородский князь ратовали за максимальное подчинение Великого Новгорода великокняжескому столу в своем лице⁴⁰. Таким образом, следует понимать важный аспект политической обстановки: как и до 1136 года, неревское боярство продолжало держаться политической линии, направленной вовсе не на утверждение «новгородской независимости», а, напротив, на

сохранение Великого Новгорода под юрисдикцией Великого Князя. Разница между галицкой и новгородской ветвями общего боярского рода была лишь в том, что первая делала ставку на суздальских Рюриковичей, а новгородская – на смоленских.

Сразу по смерти В. К. Ростислава в Новгороде происходит переворот. Из-за вспыхнувшего бунта князь Святослав бежит в г. Луки, а оппозиция в ходе продолжающегося бунта убивает посадника Захарию и его брата – Невера («Неревина») Завидича. Власть передается посаднику с Прусской улицы Якуну [1167–1170], а пружане вместе с людинцами приглашают на новгородское княжение представителя второй по старшинству ветви Мономашичей (потомков второго сына Мстислава Киевского – Изяслава (ум. 1154)). Князем Новгородским [1168–1170] ставят Романа Мстиславича, будущего князя волынского [1170–1187, 1188–1205], галицкого [1187–1188, 1199–1205]⁴¹. Очень характерно, что впоследствии галицкая ветвь неревского боярского рода будет воевать как с князем Романом, так и с его потомками, причиной чему послужил, видимо, новгородский переворот 1167 года.

³⁸ Там же. То, что посадник Захария – неревлянин, было установлено ещё В. Л. Яниным. Мне удалось показать место Захарии в генеалогической схеме и определить его отца – посадника-неревлянина Завида Дмитриевича [1128], сына посадника Дмитрия Завидича [1117–1118], сына посадника Завида Остромирича [1088–1094]. См.: *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 117.

³⁹ *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 57 и сл.

⁴⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 146.

⁴¹ В историографии, а особенно в школьных учебниках, нередко встречаются неверные заявления, что с 1199 по 1205 гг. Роман был «князем Галицко-Волынским». Однако никакого «Галицко-Волынского княжества» никогда в истории не существовало. Это такой же книжный конструкт «кабинетной» историографии, как и термин «Киевская Русь». Ни то, ни другое понятия никогда не использовались своими современниками, а введены были в оборот историками XIX–XX вв. для облегчения собственной терминологии.

В начале 1170–х гг. в Новгороде произошел очередной всплеск вооруженной борьбы боярских кланов. Посадника-прушанина сменил посадник-людинец Жирослав [1170–1171, 1171–1172, 1175]⁴². При этом новым князем Новгородским стал сын Ростислава Мстиславича – Рюрик Ростиславич [1170–1171], затем ставший В. К. Киевским [1173, 1181, 1194–1201, 1203–1204, 1205–1206, 1207–1210]. Он изгнал посадника Жирослава и передал власть неревлянам в лице Иванки Захарьинича [1171, 1172–1175]. Однако потомки Юрия Суздальского активно включились в борьбу за Новгород. Сразу по уходу Рюрика на юг начинается очередная боярская схватка: людинцы свергают посадника Иванку и призывают в князья Юрия Андреевича [1172–1175], внука Юрия Суздальского. Однако сразу по прибытии нового князя неревляне совершают контрпереворот, посадник Иванко восстанавливает свою власть и тоже начинает поддерживать суздальцев. Из-за скоропостижной смерти Иванко людинцы ненадолго прорываются к посту посадника в 1175 г., но неревляне всё же побеждают в лице нового посадника Завида Неверонича [1175–1176, 1177–1180, 1184–1186]. Новгородским князем вновь становится представитель смоленских Ростиславичей, Святослав Мстиславич [1175]. Но ему на смену неревляне позвали Мстислава Ростиславича *Безокого* [1160–1161, 1175–1176, 1177–1178]. Последний был прямым внуком Юрия Суздальского, однако он в 1176 г. женился на дочери бывшего

посадника-неревлянина Якуна Мирославича. После этого брака неревляне соглашаются поддерживать суздальцев, но лишь, если можно так выразиться, «частично»: не всех потомков Юрия Суздальского и не Всеволода Юрьевича *Большое Гнездо*, В. К. Киевского [1173], князя Переяславль-Залесского [1175–1176], В. К. Владимирского [1176–1212], а только своего князя-родственника, Мстислава *Безокого*⁴³. Из-за этого после смерти Мстислава *Безокого* (1178) неревляне поддержали его братьев, сделанных ими новгородскими князьями: Ярополка Ростиславича [1178], Романа Ростиславича [1178–1179]. Однако в 1179 г. неревляне поставили новгородским князем Мстислава Ростиславича [1179–1180], сына В. К. Ростислава (ум. 1167), вернувшись, таким образом, к ориентации на смолян. После скоропостижной смерти князя Мстислава Новгородского в июне 1180 г. происходит очередной переворот: к власти приходят прущане в лице посадника Михалки Степанича [1176–1177, 1180–1184, 1186–1189, 1204–1205], которые объявляют о своей лояльности к Всеволоду Владимирскому. В 1184 г. прущане сами изгнали своего князя, но прогадали: Всеволод Владимирский сам поставил новгородским князем представителя смоленских Рюриковичей, Мстислава Давыдовича [1184–1187], а посадничество вернул неревлянам⁴⁴. Можно предположить, что он поступил так не из-за особой «любви» к неревлянам, а лишь из-за того, чтобы не допустить чрезмер-

⁴² Янин В. Л. Я послал тебе бересту. С. 104-105.

⁴³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 151.

⁴⁴ Там же. С. 153.

ного самовольства со стороны прущан, ибо изгнание ими князя после признания над собой сюзеренитета Владимирского стола и было фактом самовольства. Повод для очередного переворота со стороны прущан остался в истории неизвестным, но в 1186 г. посадник Завид бежал в Смоленск, его брат Гавриил был убит, а власть вернулась к прущанам. После этого переворота неревляне не имели доступа к высшим новгородским постам до 1215 г. Вероятнее всего, прущане сумели как-то оболгать неревлян перед Всеволодом Владимирским в свете того, что князем был смоленский Рюрикович. Возможно, неревляне были оболганы в том, что желали выступить против Владимирского стола, опираясь на Смоленск. Несмотря на то, что подобное поведение могло быть актуально лишь в 1160–70-х гг., Всеволод этому, видимо, поверил. Ибо только опалой на неревлян можно объяснить то, что переворотом 1186 года их старшая родовая ветвь была фактически обезглавлена⁴⁵, а младшая ветвь (бояре Малышевичи) фактически была отстранена от верховной власти. Последние факты дают право сделать вывод о том, что переворот 1186 года был санкционирован Всеволодом, который впоследствии и следил до своей смерти (1212) за тем, чтобы неревлян не возвращали к власти.

Прущан сменили у власти людинцы,

⁴⁵ Для XII–XIII вв. мне удалось восстановить имена нескольких бояр из старшей ветви неревского боярства. Однако они стали известны лишь из берестяных грамот и из текста поминального синодика. Это означает, что они не принимали никакого участия во внутриновгородской политической жизни после 1186 года.

установившие в Новгороде фактическую диктатуру в лице посадников Мирошки Нездинича [1189–1204] и его сына – Дмитра Мирошкинича [1205–1207]⁴⁶. Всё это время борьба людинцев и неревлян носила ожесточенный характер, всё более обостряясь. Младшая ветвь неревского боярства, которую переворот 1186 года внезапно выдвинул на первенствующее место, занималась до этого военной и духовной карьерой. Глава клана, Прокша Малышевич (ум. 1207), был внуком посадника Добрыни Рагуиловича [до 1116–1117]⁴⁷. Его старший племянник Алексей Михайлович стал основателем и первым игуменом Хутынского монастыря [1180–е гг.–1208/1209]; с 1461 г. он почитается общерусским святым под именем Варлаама Хутынского⁴⁸. Старший сын самого Прокши, Ядрей/Яков (р. 1160–е гг.), был воеводой, который в 1193 г. возглавил поход новгородской рати на Югру (совр. Ханты-Мансийский автономный округ к востоку от р. Печоры). Согласно летописи, он погиб в результате предательства новгородца Савки, почти вся рать была уничтожена⁴⁹. Ранее я показал, что гибель этой рати и смерть Ядрея Прокшинича были на совести людинцев⁵⁰. Дело в том, что НПЛ под 1194 годом сообщает следующее: *«Приидоша из Югры избыток живых. И убиша Сбышку Волосовича и Негочевича Завиду и Моис-*

⁴⁶ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. С. 99–104.

⁴⁷ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 119. Схема 7.

⁴⁸ Там же. С. 63–71.

⁴⁹ НПЛ. С. 233.

⁵⁰ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 106.

лава Поповича саме путники, а друзии ся кунами окупиша; творяхут бо я съвет державше с Югрою на свою братью, а то Богови судити»⁵¹. Берестяные грамоты с именами усадебовладельцев Волоса и Сбыслава были найдены на Троицком раскопе Людина конца; там же была найдена грамота рубежа XII/XIII вв., повествующая, что Моислав и Микита присвоили товары, принадлежащие Олексе, какового Олексу идентифицируют с убитым в 1207 г. неревлянином Алексеем Сбыславичем⁵². Поскольку данные 1194 года показывают, что в предательстве неревских бояр в Югре были виновны бояре-людинцы, то и предателя Савку следует приписывать к ним же. Очень важно, что перед нами наличествует родовая преемственность имен между предателем Савкой 1193 года и посадником-людинцем Саввой периода 1094 – 1096 гг.

В 1200 г. трое членов неревского клана погибли в военных действиях. В этом году литовцы совершили набег по р. Ловати со стороны г. Луки. Отражая нападение, погибли братья Рагуил и Алексей Прокшиничи, а также их двоюродный племянник Юрий Сбышкинич (Сбыславич), двоюродный племянник Прокши Малышевича⁵³. В этом же году воеводой в г. Луки был назначен неревлянин Нездила Прокшинич (ум. после 1230), который отразил литовцев, уничтожил местных

изменников «Столбовичей», а также он возглавлял отряд своеобразного военного спецназа того времени⁵⁴.

Кем были «Столбовичи», которые навели литовцев на Луки в 1200 году, неизвестно, но можно провести явную параллель между событиями 1200 и 1193 годов. В обоих случаях происходит военное столкновение, в обоих случаях есть изменники, помогающие врагу, в обоих случаях гибнут бояре-неревляне. В отличие от расшифрованных событий 1193 года, историография пока не располагает подобной информацией о событиях 1200 года. Но думается, что очень осторожно за «Столбовичами» 1200 года следует видеть людинцев.

Какими были внутренние события в Новгороде после 1200 года, почти неизвестно. Однако следует думать, что они были весьма непростыми. Иначе чем фактической внутренней войной объяснить события 1207 года нельзя. Тогда, 17 марта 1207 г., по приказу посадничьего брата без суда и объявления вины на улице был убит неревский боярин Алексей Сбыславич, родной племянник Прокши Малышевича, умершего в том же году. Надо думать, что неревляне должны были пожаловаться на подобный террор Всеволоду Владимировскому. И действительно, в этом же году, после того как новгородцы участвовали в военной кампании Всеволода, он, отпуская их в Новгород, дал им знаменитое напутствие: «*Кто вы добр, того любите, злых казните*»⁵⁵. Это напутствие считается знаменитым по той при-

⁵¹ НПЛ. С. 234.

⁵² Покровская Л. В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 19. 2005. С. 77.

⁵³ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 74. Схема 6.

⁵⁴ Там же. С. 54-55.

⁵⁵ НПЛ. С. 248.

чине, что очень многие авторы видят в нем подтверждение «новгородской вольницы». На самом деле это было завуалированное разрешение на переворот⁵⁶. В конце 1207 г. против людинцев произошло мощное восстание, братья Мирошкиничи были свергнуты, их усадьбы разграблены и разгромлены. Однако, что характерно, власть перешла не к оскорбленным трижды (1193, 1200, 1207 гг.) неревлянам, а к прушанам в лице посадников Твердислава Михалковича [1207 – 1211, 1211/1214–1215, 1216–1219, 1219 – 1220] и Дмитра Якунича [1211 – 1211/1214]. Это значит, что Всеволод Владимирский действительно с 1186 года продолжал не доверять неревлянам. Великий Князь действительно согласился с тем, что террор людинцев был чрезмерным, дав санкцию на их свержение, но поставил у власти тех, кто способствовал свержению в 1186 году самих неревлян, т. е. прушан.

Временно вернуться к власти неревляне смогли благодаря новому новгородскому князю [1209–1215, 1216–1217] Мстиславу Мстиславичу *Удатному*, сыну Мстислава Ростиславича Новгородского [1179–1180]. Т. е. их приход к власти опять состоялся при князе из смоленских Рюриковичей. Однако чрезвычайно важно – с генеалогической точки зрения – понимать даже не смоленское происхождение Мстислава Удатного, а то, что его «дядькой»-воспитателем был боярин Сделслав Жирославич (1120/1140–е гг.–после 1193), сын вышеупомянутого Жирослава

Иванковича из галицкой ветви неревских бояр⁵⁷.

Причина появления Мстислава *Удатного* в точности неясна. С одной стороны, можно сделать вывод, будто бы князь, обладающий отменными познаниями в военном деле и серьезной харизмой, как личной, так и отцовской (его отец был похоронен в Новгороде и считался местночтимым святым), был приглашен новгородцами, нуждавшимися в защите от внешних агрессоров. С другой стороны, характер появления князя может наводить на мысль о силовом взятии им власти. До появления в Новгородской земле Мстислав *Удатный* был князем Трепольским [1193–1203], Торческим [1203–1206, 1226–1228] и Торопецким [1206–1213]. Торопец был уделом на самой границе Смоленского и Новгородского княжеств. В непосредственной близости от Торопца был новгородский г. Торжок. В марте 1209 г. Мстислав набегом взял Торжок, пленил местное боярство и находившихся там дворян Святослава Всеволодовича, князя Новгородского [1200–1205, 1208–1209], сына Всеволода Владимирского. Затем Мстислав посылает в Новгород депешу, в которой говорит, что-де он слышал о насилиях, чинимых текущим князем новгородцам, а посему он, Мстислав, как сын своего достойного отца, пришел защитить Новгород. Владимирцы и суздальцы спешно направили на Новгород военную рать, но происходит любопытное событие: новгородцы арестовывают князя Святослава,

⁵⁶ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 56.

⁵⁷ Таланин В. И. Русская и русско-венгерская знать. С. 82-84, 209 (схема 3).

делая его заложником. В обмен на его неприкосновенность Всеволод Владимирский был вынужден признать Мстислава новым новгородским князем. Иными словами, фактически Мстислав *Удатный* был узурпатором.

Однако в чью пользу он мог узурпировать власть в Новгороде? С одной стороны, характерно, что власть прущан остается незыблемой. С другой стороны, уже очень скоро Мстислав устраняет Митрофана, архиеп. Новгородского [1201–1210, 1219–1223], ставленника Всеволода Владимирского. Новым архиепископом становится Антоний [1210–1218, 1226–1228, 1228–1229]. В миру он был неревским боярином Добрыней Ядрейковичем, т. е. сыном Ядрея Прокшинича, убитого в 1193 г.⁵⁸ Учитывая, что архиепископ Новгородский был формальным главой новгородского «Совета господ», по существу именно архиепископ, а не посадник являлся главой Новгородской земли. Таким образом, Мстислав *Удатный* спустя менее года после своего вокняжения обеспечил неревлянам самый высший властный пост.

Можно также увидеть следующее. Как хорошо известно, Мстислав занялся укреплением южных рубежей Новгородской земли. В частности, он обновил крепостные сооружения в Луках, сведя Луки и Псков в общую крепостную оборонительную систему; в Пскове князем стал его брат, Владимир Мстиславич [1209–1211, 1215–1223]. В 1209 и 1210 гг. братья Мстиславичи с новгородцами разбили эстов, в 1212 г. – чудь, а в 1210 г. –

литовцев при Ходыницах близ Ловати. Этот аспект – укрепление Лук, где воеводствовал Нездила Прокшинич, и разгром литовцев – как месть им за гибель трех неревских бояр в 1200 г. косвенно выдает неревлян как инициаторов новгородского переворота 1209 года. Надо заметить, что они провели его настолько грамотно, не потребовав от нового князя немедленного смещения посадников-прущан, что до сего момента никто не подозревал участия неревлян в этих событиях. Собственно говоря, получив пост архиепископа и князя-харизматика, спокойно распорядившегося посадниками-прущанами, указывая им что делать, неревляне могли и не претендовать какое-то время на иные новгородские должности.

В это же время неревские бояре принимают активное участие в южнорусских событиях. Как известно, в 1199 г. вышеупомянутый Роман, князь Волынский, узурпирует власть в Галицком княжестве. Галицкой ветви неревских бояр удается пережить репрессии, и после смерти Романа они начинают борьбу против его преемника, малолетнего Даниила Романовича, князя Галицкого [1205–1206, 1211–1212, 1229–1231, 1233–1235, 1239–1240, 1241–1242, 1242–1254, 1254–1264], Волынского [1215–1229, 1231–1233, 1235–1238]. Галицкий боярин Володислав «Кормильчич» Константинович (1150–е гг. – 1231/1232), князь Галицкий [1213–1214], внук Жирослава Иванковича, приглашает в качестве противовеса княжичей Игоревичей из Новгорода-Северского. Однако из-за того, что приглашенные князья повели не ту политику, которая была необходима боярам, в сен-

⁵⁸ *Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 63–71.*

тябре 1211 г. трое из четверых братьев Игоревичей были свергнуты и казнены через публичное повешение⁵⁹. Не позднее рубежа 1210/1211 гг. в Галичину прибывают представители новгородских неревлян⁶⁰. Ими были Сбыслав Степанич (ум. после 1211/1217) и его сыновья: Духослав (основал в Венгерском королевстве графский род Тиса), Домослав и Доброслав (князь Галицкий [1240–1241]). По всей видимости, они прибыли на юг для помощи Володиславу Константиновичу в вопросах осуждения и казни князей Рюриковичей. Вследствие бурных событий, происходивших в Галичине, они остались там, вскоре переселившись в Венгерское королевство, основав там ряд местных знатных фамилий.

В те годы война, бушевавшая в Галичине, приобретала самые разные направления. В силу генеалогической перипетий на трон князя Галицкого могла претендовать даже венгерская династия Арпадов. Несколько раз венграм удавалось захватывать Галич. В частности, одно время князем Галицким был венгерский королевич Коломан [1214–1215, 1215–1219, 1219–1221]. После взятия венграми Галича, тамошние родственники новгородских неревлян призвали их на помощь. В результате Мстислав Удатный уходит в Галич, ставя перед своим уходом новгородским посадником Юрия Иванковича [1215–1216], сына неревского посадника Иванки Захарьинича. Уже весной-летом 1215 г. Мстислав берет Галич,

становясь князем Галицким [1215, 1219, 1221–1226]⁶¹.

В отсутствие Мстислава в Новгороде посадник Юрий делает политическую ошибку. Он приглашает новгородским князем сына покойного Всеволода Владимировского и отца Александра Невского – Ярослава Всеволодовича [1215–1216, 1222–1223, 1226–1228, 1230–1236]. Этот выбор был сделан Юрием по той причине, что князь Ярослав был женат (1214) на дочери Мстислава Удатного. Однако Ярослав не стал для неревлян «ручным князем». Он, как и его отец, после 1186 года не доверял неревлянам. По прибытии Ярослав оперся на прущан и начал репрессии. Юрий выступил против репрессий, и князь в феврале 1216 г. ушел в Торжок, взяв с собой пятерых бояр, включая Твердислава Михалковича и неревлянина Сбыслава Степанича⁶², временно возвратившегося в Новгород с юга. В это время Мстислав спешно вернулся из Галича, стремительно занял Новгород, и в знаменитой Липицкой битве 21 апреля 1216 г. новгородско-смоленское войско наголову разгромило объединенное войско владимирцев, суздальцев и муромцев. Мстислав вновь стал новгородским князем и репрессировал даже Ярослава Всеволодовича: Мстислав отнял у него жену, свою дочь. Скомпрометировавший себя неудачным выбором князя, Юрий добровольно сложил посадничьи полномочия, которые были вновь отданы прущанам. Однако до тех пор, пока Мстислав

⁵⁹ Таланин В. И. Русская и русско-венгерская знать. С. 21.

⁶⁰ Там же. С. 152-155.

⁶¹ Там же. С. 89.

⁶² НПЛ. С. 253.

оставался в Новгороде, проблем у неревлян быть не могло. Но в 1217 г. Мстислав навсегда покинул Северную Русь, вновь уйдя в Галич, события вокруг которого продолжали обостряться. Вместе с ним на юг ушли Сбыслав Степанич и Юрий Иванкович. Все дети Сбыслава уже к тому моменту были венгерскими дворянами. Юрий Иванкович стал тысяцким Перемышльским [1219/1221 – 1226] и уже не возвращался в Новгород. Его сын – Володислав Юрьевич – был затем одним из главных противников князя Даниила Романовича, пока не потерпел поражение и не был убит в августе 1245 г.

Таким образом, с 1217 г. старшая ветвь неревских бояр, последним активным представителем которой был Юрий Иванкович, сходит с политической арены. С эмиграцией Сбыслава Степанича и его сыновей сходят с политической арены и старшие неревляне-Мальшевичи. Активными политическими игроками в Новгороде остаются дети Прокши Мальшевича – упомянутый Нездила, Константин, Вячеслав и Богуслав Прокшиничи.

Несмотря на то, что до 1221 г. новгородскими князьями оставались иные представители смоленских Рюриковичей и лишь в 1221 г. местными князьями опять стали владимирские Рюриковичи, смоляне перестали быть защитой для неревлян. В 1218 г. архиеп. Антоний был свергнут и вскоре бежал на юг, став еп. Перемышльским [1219–1225], помогая там Мстиславу *Удатному*. В январе 1219 г. ситуация обострилась настолько, что неревляне подняли восстание против посадника Твердислава. В ходе схватки 27 января 1219 г. был убит Константин Прокшинич, и восстание захлебнулось⁶³.

После первого в истории кратковременного пребывания боярина Славенского конца Семена Борисовича посадником [1219] власть вернулась к прушанам. В 1220 г. неревляне сумели, видимо, склонить на свою сторону новгородского князя Всеволода Мстиславича [1218 – 1221], который сам поднял часть города против посадника Твердислава. Архиеп. Митрофан, пользуясь тем, что людинцы и прушане объединились и могла состояться серьезная военная схватка, сумел добиться компромисса: князь отзывал свои обвинения, а посадник добровольно слагал власть. Должность посадника осталась в руках прушан в лице Иванко Дмитриевича [1220–1229], сына посадника Дмитра Якунича.

Внутренняя борьба, между тем, продолжилась. Теперь новый посадник и Митрофан выступили против князя Всеволода Мстиславича, т. е. против смоленских князей и неревлян. В 1221 г. князь-смолянин был изгнан, и Юрий Всеволодович, В. К. Владимирский [1212–1216, 1218 – 1238], дал Новгороду в князья сына, Всеволода Юрьевича [1221–1222, 1223–1224], которому было ок. 9 лет. Однако, поскольку вместе с юным княжичем были его бояре-советники, прушане и людинцы выступили против них. Юный Всеволод был отозван, и вместо него Великий Князь прислал Ярослава Всеволодовича. Весьма характерно, что Ярослав даже не входил в город: единственным его поступком был летом 1223 г. неудачный поход на «тевтонцев», воевавших

⁶³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 186–187.

с чудью. Что характерно, предыдущий поход на тех же «тевтонцев», в котором участвовали владимирцы в союзе с литовцами, в 1222 г., также был неудачен. По мнению В. Л. Янина, Ярослав пошел на невмешательство во внутриновгородские дела в обмен на признание Новгородом сюзеренитета Владимирского стола⁶⁴. Вместе с тем, выше было показано, что те же, кто был ныне у власти, т. е. бояре-прушане, уже признавали владимирский сюзеренитет, покоряясь при этом и новгородским князьям, присылаемым из Владимира. По всей видимости, дело было несколько в другом. Во всех предыдущих случаях те, кто претендовал быть новгородским сюзереном, играли в известную политическую «игру сдержек и противовесов», противопоставляя один боярский клан другому. Однако после того как в событиях 1220 года пружане и людинцы фактически объединились в общий клан, а неревляне были критически слабы, делать в рассматриваемые годы ставки было не на кого. Безусловно, в такой ситуации находившиеся у власти бояре со своими сторонниками не могли не получить максимума власти, а равно не могли не начать стремиться к еще большей власти. В начале 1220-х гг., таким образом, искусственно порожденная ок. 130 лет назад антинеревлянская оппозиция достигла апогея своего влияния и власти. И, несомненно, Владимирский стол не мог не видеть в этой ситуации серьезную опасность не только еще более сильного обособления Новгорода, но и гипотетиче-

ского перехода его под внешнее покровительство. В сущности, оба похода против «тевтонцев», 1222 и 1223 гг., провалились из-за распрей новгородских бояр с владимирцами. В этой ситуации легко можно увидеть то же, что имело место в ходе военных действий 1193 и 1200 годов, когда стоящие у власти бояре совершали военное предательство, лишь бы ослабить враждебный себе боярский клан. Коль скоро они делали это против иных новгородских бояр, кто мешал бы им делать то же самое против того претендента в сюзерены, власти которого они опасались? Вопрос, разумеется, риторический.

Тот факт, что князь Ярослав сам – без своего изгнания – оставляет новгородское княжение после похода 1223 года, говорит, думается, весьма красноречиво в пользу того, что князь явно подозревал находившихся у власти бояр в неблагоприятном поведении. Это доказывается событиями следующего, 1224 года. В. К. Юрий вновь прислал в Новгород юного сына Всеволода, но прусско-людинская группировка опять конфликтом выдавила княжича в Торжок. Туда прибыл сам Юрий с родней, потребовав выдать ему 7 крупных новгородских бояр-крамольников, угрожая военным походом. Однако авторитет Юрия был гораздо слабее, чем у его отца, и он в итоге удовольствовался денежным откупом. Характерно, что в числе сопровождавших Великого Князя был и добровольно ушедший из Новгорода годом ранее Ярослав. Думается, он, сумев разобраться во внутренней новгородской обстановке, и попытался привести брата к необходимости давления на

⁶⁴ Там же. С. 195-196.

пруско-людинский клан. В свите Юрия в это время находился его шурин, Михаил Всеволодович, князь Черниговский [1223–1246]. По договоренности с новгородскими властями он стал новым новгородским князем [1224–1226, 1229–1230].

Сразу следует заметить, что деятельность князя Михаила в Новгороде следует видеть направленной явно в пользу неревлян. Во-первых, еще в июле 1223 г. архиеп. Митрофан, стоящий на стороне прусско-людинской группировки, скончался. Нареченным архиепископом становится хутынский монах Арсений [1223–1226, весна–осень 1228]. С одной стороны, в этом не нужно было бы видеть ничего особенного. Но с другой стороны, следует вспомнить, что Хутынский монастырь был основан неревлянами и долгое время оставался их своего рода «вотчиной». Именно в эти годы игуменом Хутынского монастыря был Ксенофонт [1210–1230], родной брат Прокши Малышевича⁶⁵. Следовательно, невероятно думать, что Арсений, став фактическим главой Новгородской земли, проводил бы антинеревлянскую политику. Возможно, Арсений был бы со временем поставлен полноценным архиепископом. Но задержка с его официальным поставлением была, думается, связана с противодействием этому со стороны прусско-людинской группировки. Вместе с тем, очень важно заметить, что князь Михаил – в отличие от Мстислава *Удатного*, некогда свергнувшего ерхиеп. Митрофана, – не трогал Арсения и, видимо, не давал тро-

нуть его оппозиционным боярам. Одно это дает повод полагать, что неревляне стали основной опорой князя Михаила в Новгороде. Наконец, два обстоятельства разрешили «церковный кризис» в сторону, еще более благоприятную неревлянам. После захвата в 1225 г. южнорусского Перемышля венграми еп. Антоний возвратился оттуда в Новгород. Князь Михаил, по всей видимости, способствовал тому, что Арсений уступил архиепископскую кафедру Антонию. Таким образом, в 1226 г. неревляне в лице архиепископа внезапно вернули себе высший государственный пост в Новгородской земле.

В пользу того, что князь Михаил близко сошелся с неревским боярством, косвенно свидетельствует еще один аспект. Сразу по смерти на юге Мстислава Удатного, постоянно враждовавшего с Даниилом Романовичем, Черниговское княжество тут же становится «наследником» этой Мстиславовой борьбы. Уже в 1228 г. Михаил Черниговский лично водил войско против Даниила Волынского, а с 1234 по 1240 гг. вел непрерывную войну с ним, в каковой войне ему активно способствовала галицкая ветвь новгородских неревлян⁶⁶.

В 1226 г. Михаил Черниговский ушел на юг, поскольку на Чернигов заявило свои претензии Курское княжество. В Новгороде вновь вокняжился Ярослав. И здесь необходимо понимать важный момент: с 1223 г. Ярослав отлично понимал, что стоящая у власти прусско-лю-

⁶⁵ Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 69-74.

⁶⁶ Таланин В. И. Русская и русско-венгерская знать. С. 104-109.

динская группировка ненадежна и склонна к изменничеству. В этих условиях князь мог опираться с 1226 года либо на неревлян, либо на каких-то совсем новых бояр. Все последующие события говорят в пользу того, что князь Ярослав выбрал неревлян, преодолев затянувшиеся с 1186 года разногласия с ними своей родовой ветви.

Уже летописное указание на то, что в 1226 г. Ярослав, придя на княжение, был гневен на новгородцев за то, что они специально не приглашали его, говорит само за себя⁶⁷. Под 1227 годом летопись вдруг указывает, что Вячеслав Прокшинич завершил роспись храма Сорока Мучеников, который сам же построил в 1211 г.⁶⁸ Совершенно ясно, что если летопись «вдруг» фиксирует деятельность какого-то боярина, который не занимал никаких постов, то этот боярин «вдруг» начал резко возноситься в своей карьере. Здесь необходимо сделать отступление и вспомнить, что, когда в 1224 г. прусско-людинская группировка готова была воевать с В. К. Юрием, из Новгорода в Торжок было выслано несколько послов, в числе которых «вдруг» был и Вячеслав Прокшинич. Можно думать, что связь неревлян с владимирцами наметилась уже в 1223–1224 гг.

Наконец, в 1228 г., когда Ярослав готовился к войне с «тевтонцами», летопись «вскользь» упоминает, что летом 1228 г. новгородским тысяцким был Вячеслав Прокшинич [1228–1229]. Следовательно, именно Ярослав сделал Вячеслава тысяц-

ким. В это время архиеп. Антоний удалился на покой из-за того, что его разбил в марте 1228 г. паралич. Однако кафедру в качестве нареченного архиепископа вновь занял Арсений, т. е. неревляне благодаря Ярославу не выпустили из рук и эту должность.

Дальнейшие события развивались стремительно. Летом 1228 г. прусско-людинская группировка вместе с псковичами и ладожанами отказали князю Ярославу в участии в войне «тевтонцами» на его стороне; причем в своих попытках увещевания изменников князь намекал на провалы походов 1222 и 1223 гг., показав свою полную осведомленность относительно того, кто с 1186 года был на самом деле против Владимирского стола⁶⁹. Исчерпав свои возможности, Ярослав покинул Новгород, видимо, уйдя к В. К. Юрию для кардинального решения вопроса. На новгородском княжении он оставил малолетних сыновей: 7-летнего Александра и 8-летнего Федора. Неревляне также вынуждены были усилить свои позиции: больной Антоний был вновь поставлен архиепископом. Поскольку он был недееспособен, то к нему приставили Якуна Моисеевича и Никифора щитника. Была показана невозможность следовать традиции советской историографии и полагать этих двух лиц «черными людьми»⁷⁰. Я же с высокой степенью вероятности допускаю, что это были неревские бояре

⁶⁹ Там же. С. 270-272; Андреев А. Р. Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное описание. Историческая хроника XIII в. М., 1998. С. 152.

⁷⁰ Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009. С. 251-252.

⁶⁷ НПЛ. С. 269.

⁶⁸ Там же. С. 270.

из младших родовых веток⁷¹.

Таким образом, осенью 1228 г. Новгород был разделен: прусско-людинская группировка стояла вокруг посадника Иванко Дмитриевича, тогда как тысяцкий Вячеслав, архиепископ и опекавшие его неревские бояре стояли за юных княжичей-владимирцев. Ситуация для прущан и людинцев усугублялась тем, что Ярослав должен был вернуться в следующем

⁷¹ *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С.125-127. Здесь необходимо уточнить следующее. Якуна Моисеевича перестали рассматривать в качестве представителя простолюдины еще в историографии середины XX в., как минимум на основании того, что летопись указывает его имя с «вичем». См., напр.: *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955. С. 88.; *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976. С. 144-146. Никифора же продолжают полагать обычным ремесленником, видя в наименовании «щитник» указание на изготовление им щитов. Т. Л. Вилкул в своих ранних публикациях указывала, что знатность Никифора усматривается из того факта, что еще один (из всего двух) упоминаемых в НПЛ «щитников» стоял в перечне погибших сразу после тысяцкого, за что была подвергнута критике со стороны П. В. Лукина. См., напр.: Лукин П. В. О социальном составе новгородского веча. XII-XIII вв. по летописным данным // *Древнейшие государства Восточной Европы 2004*. М., 2006. С. 186-188. Однако в работе 2009 года Т. Л. Вилкул показала, что понятие «щитник» следует отождествлять с перифразом византийской придворной должности щитника (каковая указывалась в Хрониках Георгия Амартола и Константина Манассии). С этим ее мнением целиком был согласен я, поддерживая его в цитированной своей работе 2015 года. Я согласен с ним не только по той причине, что сам принадлежу к сторонникам концепции об аристократическом характере новгородского веча. В данном случае я оперирую исключительно

году не только с дополнительными военными силами, но и, вероятно, с полномочиями от В. К. Юрия для неких наказаний тех, кто пошел против него, показав, что острием их внешнеполитической ориентации были иноземцы-католики. Тянуть в этих обстоятельствах было нельзя, и в январе 1229 г. прусско-людинская группировка поднимает своих сторонников на мятеж. Неревляне не преуспели в подавлении мятежа, но показали себя стойкими защитниками владимирцев: усадьбы Вячеслава и Богуслава Прокшиничей были разгромлены. Княжичи 20 февраля 1229 г. бежали из города.

По призыву прусско-людинской группировки в Новгород возвращается князем Михаил Черниговский. Он прибывает

но генеалогическими соображениями. Во-первых, Антоний был в миру неревским боярином. Во-вторых, согласно концепции родовой преемственности имен, я показал, что Якун Моисеевич и Никифор могут с высокой степенью вероятности быть причисленными к неревскому боярскому роду, поскольку именно в этом роду использовались в большом количестве именно эти имена. Кроме того, целиком логично, что опекать Антония были поставлены бояре-неревляне, а не простолюдины. В-третьих, в своей цитированной работе я показывал, что в среде неревских бояр уже наблюдалось использование византийского придворного титула: «протопродр» Евстафий Остромирич (1020/30-е гг. – после 1094). Родовое имя «Никифор» использовалось среди потомков его старшего брата – Завида Остромирича, посадника [1088-1094], а родовые имена «Моисей» и «Якун» – среди потомков его младших братьев – Рагуила и Моисея Остромиричей. Поскольку однажды в новгородском боярском роду уже наличествовал византийский титул (протопродр), иной титул вполне мог быть использован в этом роду вновь (щитник). Но я, разумеется, полагаю, что об этом вопросе можно по-прежнему дискутировать, несмотря на точку зрения Т. Л. Вилкул и мою.

туда в Фомину неделю, пришедшуюся тогда на 5 мая, и сразу предпринимает два важных предприятия. Во-первых, он окончательно отправляет на покой большого архиеп. Антония. Вместо него выбирается архиеп. Спиридон [1229–1249], который, как указывалось выше, впоследствии был сторонником князя Александра. В конце 1229 года Спиридон вовсе уходит из Новгорода на свое поставление в Киев, возвращаясь только в мае 1230 г. Во-вторых, сам Михаил – собственной волей – свергает посадника Иванку, отправляя его посадничать в Торжок. В Торжке же его не принимают, и Иванку вынуждается идти с повинной непосредственно к князю Ярославу. Новым посадником Михаил Черниговский делает Внезда Водовика [1229–1230], боярина из Славенского конца. Михаил поступил достаточно грамотно: прежняя группировка дискредитировала себя мятежом января-февраля. Неревляне потерпели поражение в ходе этих боестолкновений. И Михаил выбирает первого боярина-славенца, который, как он полагал, будет стоять «над схваткой». Вместе с тем очень важно заметить, что новгородцы посылают к князю Ярославу посольство во главе с Нездилой Прокшиничем. Формально, согласно летописи, посольство потребовало от Ярослава отдать Новгороду Волок. Ярослав не захотел и удержал у себя послов до 1230 года. Вполне резонно думать, что Нездила при Ярославе, как оставшийся в Новгороде Вячеслав, курировали дальнейшую ситуацию с двух сторон.

Однако, вполне вероятно, что Михаил Черниговский не был так прост. С одной стороны, сказанное вполне верно: так и

должен был поступить князь, желающий утихомирить местные брожения. С другой стороны, фигура Внезда была, вероятно, выбрана Михаилом не без советов неревлян преднамеренно, как показали дальнейшие события. В мае 1230 г. Михаил отбывает в Чернигов, оставляя в Новгороде княжить сына, Ростислава Михайловича [весна-осень 1230]. Сразу после этого посадник Внезд нападает на прусского боярина Степана Твердиславича, обвиняя его в покушении на посадника, а затем начинает террор против прущан. Вполне вероятно, что именно Михаил вручил Внезду такие полномочия. Группировка Внезда взяла верх, и Внезд с Ростиславом выехали в Торжок, куда по просьбе Внезда должен был прибыть Михаил Черниговский.

Но Михаил за это время успел договориться с Ярославом и никуда не пришел. В результате этого прущане поднимают в декабре 1230 г. контрвосстание, причем на их сторону становятся неревляне, которым, казалось бы, эта схватка должна быть только на руку. Славенская группировка была свергнута и разгромлена. Посадником стал Степан Твердиславич, а из Новгорода бежало как минимум шестеро бояр плюс немалое число кормившихся вокруг них житейных людей⁷². Чуть ранее, летом 1229 г., из Новгорода в Чернигов эмигрировал ряд видных прущан. Показано, что в ходе событий 1229–1230 гг. из Новгорода бежали наиболее пронемецки настроенные бояре⁷³. Таким образом, резонно говорить, что деятельность

⁷² Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 199-200.

⁷³ Андреев А. Р. Великий Ярослав Всеволодович Переславский. Документальное описание. Историческая хроника XIII в. С. 152.

неревлян в событиях 1228–1230 гг. хотя и не привела их к власти, но способствовала окончательному закреплению Великого Новгорода в сфере Владимирского стола, а равно способствовала позднейшим победам Александра над шведами (1240) и немцами (1242).

Однако рассмотренными событиями участие неревского боярского рода в отечественной истории не исчерпывается. Во-первых, уже в январе 1231 г. Ярослав отбывает в Переяславль-Залесский, оставляя в Новгороде опять двух княжичей⁷⁴. Разумеется, вместе с 10-летним и 11-летним мальчиками были оставлены владимирские советники. Но двукратное изгнание княжича Всеволода Юрьевича (1222, 1224) показало, что никакие пришлые владимирцы не смогут уберечь власть княжичей-детей, если у них нет опоры на местное боярство. И здесь совершенно понятно, что посадник Степан Твердиславич, на чьих похоронах в 1243 г. князь Александр не присутствовал, не был княжичам в 1231 году такой опорой. А боярин Вячеслав Прокшинич, на чьих похоронах князь присутствовал, – был. Иначе говоря, есть все основания полагать, что Вячеслав Прокшинич мог стать как минимум вторым по значимости боярином при персоне юного Александра. Что значит «вторым»? Это значит, что первым боярином при особе князя всегда был княжеский «дядька»-воспитатель. Однако имя «дядьки» Александра история по какой-то причине не сохранила, хотя он, несомненно, существовал. Зато

история сохранила имя Вячеслава Прокшинича, которого 22-летний князь лично хоронил в 1243 году. Можно ли на этом основании предположить, что боярин Вячеслав мог быть княжеским «дядькой», т. е. не «вторым», а «первым»? Особенно если учесть, что Ярослав, отбывая летом 1228 г. из Новгорода и оставляя 7-летнего сына на попечение боярина Вячеслава, должен был быть твердо уверен, что при такой защите его сыну ничто не угрожает? Ответ на поставленный вопрос, скорее всего, останется открытым, но при текущем состоянии источников сделанное мною допущение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, т. е. оно имеет все права на существование.

Во-вторых, события периода, когда изгнанные из Новгорода бояре в 1232–1233 гг. пытались вернуться, никак не пошатнули власть княжичей, если, конечно, не считать скоропостижной смерти 13-летнего Федора Ярославича весной 1233 г. (отравление?). Так, весной 1232 г. изгнанники захватили власть в Пскове. Однако Ярослав взял город в блокаду, а в Новгороде никаких возмущений не произошло. Зимой 1232/1233 гг. мятежники были изгнаны из Пскова самими псковичами. Однако уже весной 1233 г. они же – с помощью немецкого отряда – захватили Изборск, но были выбиты оттуда псковичами почти сразу же. В Новгороде в 1233 г. также не произошло никаких возмущений. Уже в 1234 г. Ярослав с новгородским войском нанес контрудар по тем немцам («Орден меченосцев»), которые помогали захватить Изборск, и успешно разгромил их в битве на р. Омовже.

⁷⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 201–202.

В-третьих, союз между Михаилом Черниговским и Ярославом, состоявшийся благодаря «связующему звену» в лице новгородской и галицкой ветвей единого боярского рода, привел к переходу под юрисдикцию Владимирского стола древнего Киева. Дело в том, что Даниил Волынский на юге в 1235–1236 гг. добился себе австрийской поддержки: в противовес этому Михаил Черниговский лично пригласил⁷⁵ на киевский трон Ярослава, ставшего новым В. К. Киевским [1236–1238, 1243–1246]. Чрезвычайно характерно, что вместе с Ярославом в Киев в 1236 году прибыло несколько крупнейших новгородских бояр, в числе которых был сын главы неревского боярского клана – Константин Вячеславич (ум. 1247). Суть поездки боярина Константина заключалась в том, что он на месте скоординировал политику своих галицких родственников и способствовал тому, что Даниил Волынский был вынужден освободить из плена «болоховских князей», т. е. детей Володислава Константиновича, боярина и князя Галицкого⁷⁶.

В-четвертых, вновь обратим внимание на упомянутых «болоховских князей». Таковыми, как я показал, были сын Володислава Константиновича Галицкого – Держикрай Володиславич, его брат (неизвестный по имени) и вышеупомянутый сын Юрия Иванковича – Володислав Юрьевич; они основали и возглавляли

«Болоховскую землю» с ок. 1223/1229 по 1255/1256 гг.⁷⁷ Важно отметить, что во время монгольского нашествия на Южную Русь Болоховская земля в 1240/1241 гг. не сопротивлялась, согласившись платить захватчикам дань сельскохозяйственной продукцией, за что совершенно не была разорена. Важно увидеть здесь полную корреляцию с такой же политикой князя Александра в 1240–60-х гг., который для успешного противостояния латинскому Западу вынужденно признал Русь данницей Орды, чем спас Русь как таковую. Вместе с тем, чрезвычайно характерно, что Болоховская земля поступила так раньше, чем это сделал в общерусском аспекте князь Александр. При этом Болоховская земля возглавлялась представителями того же боярского рода, на который опирался он сам в Великом Новгороде. Можно сделать резонное предположение, что Болоховская земля и галицкая ветвь неревского боярства стали для князя Александра тем образцом, глядя на который, он сумел принять то свое решение, которое вплоть до сегодняшнего дня влияет как на существование Руси, так и всего ее населения за последние почти восемь веков. Болоховская земля была уничтожена Даниилом Волынским и Галицким в ходе карательного похода в 1255/1256 гг. Вероятнее всего, Даниил сделал это по согласованию с Западом, на который переориентировался с начала 1250-х гг. Кроме того, он выбрал для этого самое удобное время, воспользовавшись смертью основателя Орды и отсутствием его наследника,

⁷⁵ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 599-603.

⁷⁶ Таланин В. И. Русская и русско-венгерская знать. С. 108-109.

⁷⁷ Там же. С. 104-105.

уехавшего в монгольскую столицу для своего утверждения. В противном случае попытка уничтожения ордынской данницы стала бы концом для князя Даниила. И здесь следует еще раз повторить, что, благодаря симбиозу Владимирского стола и неревского боярства, Русь успешно отразила от своих границ натиск Запада, но временно вынуждена была покориться Орде. Несмотря на последний неприятный факт, благодаря этой политике была сохранена собственно русская идентичность – как народа, так и государства. Можно ли – строго по аналогии – провести такую же линию связи между тем, что князь Даниил всю свою жизнь старался уничтожить галицкую ветвь новгородских неревлян, преуспев в итоге в этом, и его западной ориентацией? Именно этот его подход привел к тому, что с 1325 г. его земли возглавил поляк, в 1340 г. – литовец, а в течение 1349–1390 гг. Волынь и Галиция были по частям включены в состав Польши. Не знающая сослагательного наклонения история всё же дает право допустить, что при Володиславе Константиновиче, князе Галицком [1213–1214], и его династии – или если бы власть в Галиции сумели удержать черниговцы, полностью опирающиеся на галицкую и новгородскую ветви единого боярского рода, – Галицкая и Волынская Русь повторили бы судьбу Владимиро-Суздальской и Новгородской Руси, оставшись в едином общерусском поле⁷⁸.

Наконец, в-пятых, я показал, что «рыцарь Микьял», возглавлявший, согласно норвежским источникам, посольство князя Александра в Норвегию

(1251), был неревским боярином Михаилом Мишиничем (до 1220–х гг. – 1280)⁷⁹. Именно стараниями боярина Михаила был заключен разграничивший земли норвежских данников-саамов и русских данников-корел договор, который впервые в истории твердо закрепил беломорское побережье и Кольский полуостров за Русью. В цитированной мною собственной статье я показал, что управление корелами и сбор с них дани были прерогативой людинцев до их свержения в 1207 году. Нет никаких данных о том, какие новгородские бояре продолжили непрерывный сбор корельской дани после 1207 года и до 1240-х гг., когда – археологически – свидетельства управления корелами со стороны неревлян четко прослеживаются. В своей статье я не сделал этого предположения, поэтому позволю себе сделать его здесь. Коль скоро в 1207 г. неревляне, трижды оскорбленные людинцами, свергали их с разрешения Великого Князя, но не получили за свое участие в восстании никаких властных постов, можно с высокой степенью уверенности допускать, что в качестве награды они получили те статьи доходов, которые были отобраны у свергнутой посадничьей семьи (в данном случае – управление корелами и сбор с них дани). Иначе говоря, вероятнее всего, управление корелами перешло в ведение братьев Прокшиничей сразу после восстания 1207 года. Не позже чем с 1240-х гг. управление корелами, которых в 1227 г. крестил Ярослав Всеволодович, было поручено Михаилу Мишиничу. После того, как в

⁷⁸ Подробнее см.: Там же. С. 113–117.

⁷⁹ *Таланин В. И.* Институт Корельского кормления. С. 98–100.

1270 г. Корельская земля была официально включена в состав Новгородского княжества, первым официальным Корельским кормленщиком стал Михаил Мишинич [1270–1272/1273], который передал эту должность в младшую ветвь своего рода, став новгородским посадником [окт.–нояб. 1272, 1273–1280]. Затем неревское боярство было наследственными новгородскими Корельскими кормленщиками, т. е. главами Корельской земли вплоть до 1478 года, успешно защищая русско-шведскую границу.

Итак, цель настоящей работы является достигнутой. Ответ на поставленный в заголовке данной работы вопрос о том, какой из боярских новгородских кланов стал опорой князей Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича, найден. Также показаны все причины, согласно которым состоялся тесный симбиоз Владимирского стола и неревского боярства, а равно и основные следствия для отечественной истории, к которым этот симбиоз привел.

Библиография

Литература:

- Андреев А. Р.* Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное описание. Историческая хроника XIII в. М., 1998.
- Вилкул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.
- Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
- Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. № 3. 2006.
- Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. № 2. 1986.
- Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско–польско–немецкие отношения 60–70-х годов XI века // Советское Славяноведение. № 2. 1971.
- Лукин П. В.* О социальном составе новгородского веча. XII–XIII вв. по летописным данным // Древнейшие государства Восточной Европы 2004. М., 2006.
- Майоров А. В.* Галицко–Волынская Русь. Очерки социально–политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.- Л., 1950.
- Подвигина Н. Л.* Очерки социально–экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976.
- Покровская Л. В.* Комплекс ювелирных украшений усадьбы Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 19. 2005.
- Поппэ А.* Новгородский епископ Лук-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сб. ст. в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011.

Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). 1997.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963.

Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и ее потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

Таланин В. И. Институт Корельского кормления в Новгородскую эпоху // *Novogardia*. № 2. 2019.

Таланин В. И. К истокам русского военного спецназа // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-исторический журнал. № 3 (8). 2016.

Таланин В. И. Русская и русско-венгерская знать в X–XV вв.: историко-генеалогическое исследование. Запорожье, 2016.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Янин В. Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Вестн. Новгородского государственного университета. 2006. № 38.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.

Сведения об авторе

Таланин Виталий Игоревич, кандидат физико-математических наук, профессор, г. Запорожье (Украина). Область научных интересов: генеалогия отдельных фамилий и родов, история средневековой Руси.

E-mail: v.i.talanin@mail.ru

V. I. Talanin

WHICH OF BOYAR CLANS OF VELIKY NOVGOROD WAS THE SUPPORTERS OF PRINCE ALEXANDER YAROSLAVICH AND HIS FATHER?

Annotation: In the article the question of who was the local support for princes Yaroslav Vsevolodovich and Alexander Yaroslavich in Veliky Novgorod is analyzed in detail. It is shown that this support was coming from the boyars of Nerevsky district.

Keywords: Alexander Nevsky, Veliky Novgorod, Nerevsky district, boyars.

References

Researches:

Andreev A. R. Velikij knyaz' Yaroslav Vsevolodovich Pereyaslavskij. Dokumental'noe opisanie. Istoricheskaya khronika XIII v. [Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich Pereyaslavsky. Documentary description. Historical chronicle of the XIII century]. Moscow, 1998. (In Russian).

Vilkul T. L. Ludi i knyaz v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv. [People and the prince in the Old Russian chronicles of the middle of the XI–XIII centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).

Danilova L. V. Ocherki po istorii zemlevladya i khozyajstva v Novgorodskoj zemle v XIV–XV vv. [Essays on the history of land tenure and economy in the Novgorod land in the XIV–XV centuries]. Moscow, 1955. (In Russian).

Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 g. [Birch bark letters from the Novgorod excavations in 2005] // *Voprosy yazykoznanija*. No. 3. 2006. (In Russian).

Kuchkin V. A. O date rozhdeniya Aleksandra Nevskogo [About the date of birth of Alexander Nevsky] // *Voprosy istorii*. No. 2. 1986. (In Russian).

Kuchkin V. A. «Pouchenie» Vladimira Monomakcha i russko-pol'sko-nemetskie otnosheniya 60–70-kh godov XI veka [Vladimir Monomakh's "Instruction" and Russian-Polish-German relations in the 60s–70s of the XI century] // *Sovetskoe Slavyanovedenie*. No. 2. 1971. (In Russian).

Lukin P. V. O sotsialnom sostave novgorodskogo vecha. XII–XIII po letopisnym dannym // *Drevnejshye gosudarstva Vostochnoj Evropy 2004*. Moscow, 2006. (In Russian).

Majorov A. V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnoshenij v domongol'skii period. Knyaz, boyare i gorodskaya obshchina [Galicia-Volyn Rus. Essays on socio-political relations in the pre-Mongol period. Prince, boyars and city community]. St. Petersburg, 2001. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First chronicle]. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Podvigina N. L. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Novgoroda Velikogo v XII–XIII vv. [Essays on the socio-economic and political history of Novgorod the Great in the XII–XIII centuries]. Moscow, 1976. (In Russian).

Pokrovskaya L. V. Kompleks yuvelirnykh ukrashenij usad'by Troitskogo raskopa [Jewelry complex of the Troitsky estate excavation site] // *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya*. No. 19. 2005. (In Russian).

Poppe A. Novgorodskij episkop Luka-Zhidyata: k voprosu o studitakh na Rusi [Bishop of Novgorod Luka-Zhidyata: on the issue of studites in Russia] // *Visy družby: sb. st. v chest' T. N. Dzhakson*. Moscow, 2011. (In Russian).

Poppe A. Feofana Novgorodskaya [Feofana Novgorodskaya] // *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. No. 6 (16). 1997. (In Russian).

Rybakov B. A. Drevnyaya Rus': skazaniya, byliny, letopisi [Ancient Rus: legends, epics, chronicles.]. Moscow, 1963. (In Russian).

Talanin V. I. Drevnerusskaya dovaryazhskaya aristokratiya X–XVI vv. i ee potomki: genealogicheskoe issledovanie [Old Russian pre-Varyag aristocracy of the X–XVI centuries and its descendants: genealogical research]. Zaporozhye, 2015. (In Russian).

Talanin V. I. Institut Korel'skogo kormleniya v Novgorodskuyu epokhu [Institute of Korel feeding in the Novgorod era] // *Novogardia*. No. 2. 2019. (In Russian).

Talanin V. I. К истокам русского военного спецназа [To the origins of the Russian military special forces]. // *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela: voyenno-istoricheskij zhurnal*, No. 3 (8). 2016. (In Russian).

Talanin V. I. Russkaya i rusko-vengerskaya znat' X–XV vv.: istoriko-genealogicheskoye issledovaniye [Russian and Russian-Hungarian nobility of the X–XV centuries: historical and genealogical research]. Zaporozhye, 2016. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [The Novgorod posadniks]. M., 2003. (In Russian).

Yanin V. L. Rol' Novgoroda v otechestvennoj istorii [The role of Novgorod in Russian history] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 38. 2006. (In Russian).

Yanin V. L. Ya poslal tebe berestu... [I sent you a birch bark ...]. Moscow, 1975. (In Russian).

About the author

Talanin Vitalij I., PhD of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Zaporozhye (Ukraine).

E-mail: v.i.talanin@mail.ru.